

АКТЕР ЙОЗЕФ ОСТЕНДОРФ:

«Образ рождается не от головы, а от желудка»

Швейцария — 2005 — 10 июня
с. 32

Йозеф (Зеф) Остендорф — блистательный актер знаменитого швейцарского режиссера Кристофа Марталера. Можно сказать, что Ости Остендорф и определяет стиль марталеровского театра. Иногда он снимается в кино, но главным делом своей жизни считает театр. С Йозефом Остендорфом в Берлине встретился Артур Соломонов.

«Маленький Мук до сих пор на меня влияет»

ИЗВЕСТИЯ: Господин Остендорф, повлияли ли ваши родные на то, что вы стали актером?

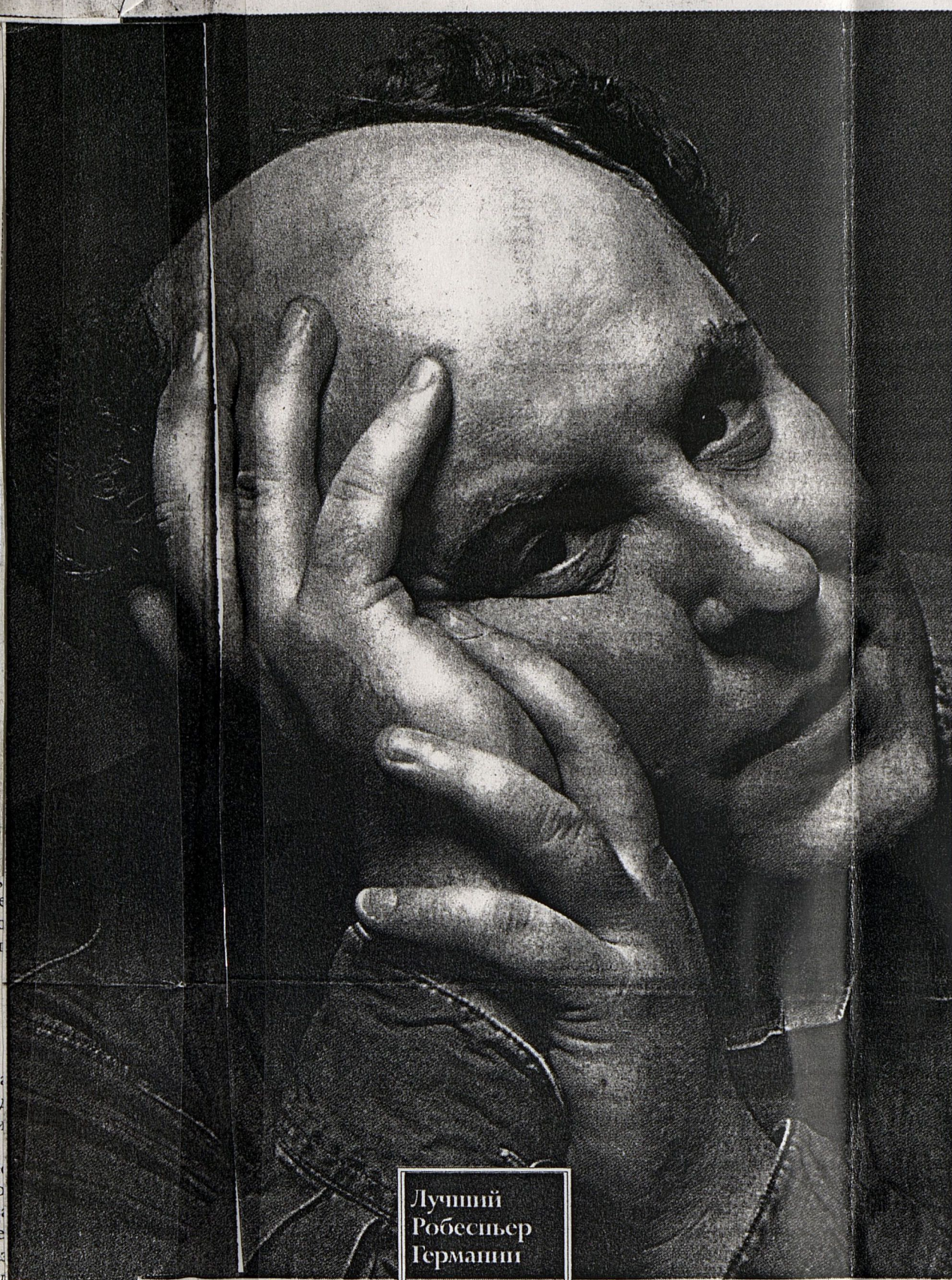
Йозеф Остендорф: Я родился в маленьком городе недалеко от Бремена. Там, естественно, не было театра. У нас был свой маленький мясокомбинат. Дедушка с бабушкой — фермеры, они делали из мяса колбасы и другие изделия.

ИЗВЕСТИЯ: Как же вам удалось «заболеть» театром?

Остендорф: Первый спектакль, который я увидел, — «Маленький Мук». Он произвел на меня огромное впечатление. Мне кажется, этот Мук до сих пор на меня влияет, когда я играю на сцене (смеется).

ИЗВЕСТИЯ: Главный режиссер в вашей жизни, несомненно, Кристоф Марталер. Расскажите о вашей первой встрече с ним.

Остендорф: Я встретил Кристофа в Гамбурге, когда он еще был начинающим режиссером. Мы вместе с ним сделали спектакль «Фауст» португальского автора Фернандо Пессоа. Спектакль был очень успешен, но главное — мне ужасно понравилось работать с Марталером. Он — замечательный наблюдатель. У него с собой всегда записная книжка. И все, что ему кажется интересным — на улице, в ресторанах, — он записывает. Иногда заносит в свою книжку подслушанные им диалоги цели-

Лучший Робеспьер Германии

«По остаткам еды мы должны угадать, что Марталер съел»

ИЗВЕСТИЯ: Возникают ли у вас на репетициях споры по поводу концепции или интерпретации пьесы или роли?

Остендорф: Марталер — бесконфликтный человек. Но он вежливо и постепенно добивается своего. Перед репетицией мы вместе сидим в кафе, разговариваем, обсуждаем пред-

стоящий спектакль. Кристоф говорит, что самое главное рождается не от головы, а от желудка. И во время наших посиделок что-то возникает, какая-то, прошу прощения, концепция.

ИЗВЕСТИЯ: То есть основной предрепетиционный период можно назвать «ресторанным»?

Остендорф: Точно! Хоть скорее — кафе-ным. Иногда мы с Марталером накрываемся одной салфеткой, чтобы никто не видел, и играем друг с другом. Не подумайте чего худого (смеется)! Есть такая фотография: Марталер сидит в кафе, высунув язык, а на языке — остатки еды. И мы часто играем в такую игру: по этим остаткам мы должны угадать, что он съел. Кто-то кричит: «Макароны!», кто-то — «Кашу!», кто-то вопит: «Устрицы!»

ИЗВЕСТИЯ: Выигравшему — приз: самая крупная роль?

Остендорф: Нет, такого еще не было. Хотя это, конечно, идея.

ИЗВЕСТИЯ: А спектакль «Смерть Дантона» по трагедии Георга Бюхнера — возможно, самый печальный спектакль Марталера — вы тоже начинали обсуждать в атмосфере таких посиделок и конкурсов?

Остендорф: Ну, конечно, от ресторанов мы не ушли (смеется). В Швейцарии есть ресторан, где собираются бывшие коммунисты. Там мы и сидели вечерами, разговаривая о французской революции, ее героях, ее палацах. В этом ресторане мы почувствовали иную атмосферу: вот так сидели неудавшиеся революционеры, люди, которые предали революцию или которых она предала. Сидели, тосковали, чувствуя, что все потерпело крах. Революция, коммунизм существуют в нашем спектакле «Смерть Дантона» как воспоминание — и не в последнюю очередь благодаря маленькому ресторанчику в Цюрихе, где собирались наши коммунисты.

ИЗВЕСТИЯ: Вы сыграли Робеспьера в спектакле «Смерть Дантона». В массовом сознании Робеспьер — трибун революции, аскет, герой, палач: кто угодно, но только не гедонист. А ваш облик слегка ленивого жизнелюба в спектакле не был изменен, даже не был приглушен.

Остендорф: Мы используем подлинные речи, который произносил Робеспьер. И я думаю, что этот человек очень часто

говорил правильные вещи. Мы

показываем Робеспьера уставшим от всего нет сил даже снять одежду, не хочу даже женщину поцеловать, ничего не желаю. Он говорит все это после того, как уничтожил тысячи человек. В этом — критика Робеспьера и ему подобных.

«Эти люди — утопленники. Но они до сих пор танцуют, едят, разговаривают»

ИЗВЕСТИЯ: В спектаклях Марталера время течет совсем иначе, чем в жизни. Можно даже сказать, что, когда смотришь спектакли этого режиссера, получаешь возможность поверить в слова из Нового Завета: «Времена больше не будет». Как Марталер в жизни относится к понятию времени?

Остендорф: Когда мы репетировали с Марталером «Свадьбу» Конетти, то с сцену обустроили как огромный лайнер. В центре был зал-ресторан, справа мужской туалет, н, налево — женский. Люди едят, попойкой танцуют, тихо переговариваются. В глубине сцены — иллюминация. И когда смотришь тулуду, понимаешь, что этот корабль давно затонул, что он находится на дне океана. Эти люди — утопленники. Но они до сих пор танцуют, едят, разговаривают.

Для Марталера время — это вечность. Эти люди не заметили, как умерли. Они не реагируют на такие вещи, как, например, с грохотом падающая люстра. А вот упал на пол цел цветок — и все это заметили, стали обсуждать, восхищаться красотой его падения.

ИЗВЕСТИЯ: Вам довелось поработать и с другим, во: возможно, самым знаменитым, немецким режиссером — Франком Касторфом.

Остендорф: Ка: Касторф и Марталер — мои любимые режиссеры. Касторф больше работает с помощью интеллекта и знания — а он столько зыко знает, что это просто пораз-

рожден в 1956 году. Он один из лучших театральных актеров Германии. После окончания театральной школы работал в небольших немецких театрах, пока в 1992 году не устроился в театр швейцарского города Базель, где встретился с Кристофом Марталером. Встреча режиссера определяет актерскую судьбу Остендорфа до сих пор: с этого момента он играет в его постановках в Базеле, Гамбурге, Цюрихе и Берлине. Йозеф Остендорф полностью и добродушен, это, однако, не помешало ему блистательно сыграть роль аскета и тирана Робеспьера в спектакле «Смерть Дантона». Он постоянно снимается в сериалах, например в таком популярном у немцев фильме, как «Сокко».

больше надеется на помощь, как он любит говорить, желудка. Я не хочу сказать, что он не умен, совсем нет. Просто его образы рождаются не от интеллекта. Касторф репетирует всего три часа в день. И если сцена один раз прошла удачно, он ее больше не повторяет. Марталер очень часто репетирует целыми днями.

Марталер с любовью смотрит на людей. Он страдает старым, больным, слабым... Касторф очень политизирован. Он очень чутко реагирует на злободневную политическую ситуацию: на противостояние Востока и Запада — во всем мире и здесь, в Германии, — на разрушение мечты о коммунизме.

ИЗВЕСТИЯ: Вы снимаетесь в сериалах. Многие считают, что съемки в подобного рода кинопроектах всегда приводят к снижению качества игры. Для вас съемки в сериалах — это способ заработать деньги?

Остендорф: Конечно, в первую очередь деньги. Скажите, почему такие большие деньги должны получать только плохие актеры?

«Жители Цюриха купили Марталера, потому что он стал известным»

ИЗВЕСТИЯ: Кристоф Марталер был художественным руководителем главного швейцарского театра — Schauspielhaus Zurich лишь несколько лет, а потом со скандалом ушел оттуда. Расскажите о ваших приключениях в Цюрихе.

Остендорф: Я не люблю Цюрих. Это очень богатый город — кажется, что там все деньги мира. Жители Цюриха купили Марталера, потому что он стал известным. Логика была примерно такой: «Наш швейцарец стал всемирно известным — так давайте его приобретем!» Чиновники, которые обладают властью решать что-то в области культуры, давать или не давать деньги, в Цюрихе просто ужасны. А те

люди, которые приходили на спектакли, совсем другие. Но, к сожалению, все зависело от чиновников.

ИЗВЕСТИЯ: Я разговаривал с одним швейцарцем, кстати, жителем Цюриха, который говорил, что Марталер — это, конечно, прекрасно, но нельзя весь сезон смотреть его спектакли. Люди хотят видеть разный театр, в том числе и буржуазный, и коммерческий.

Остендорф: Не надо было делать Марталера художественным руководителем театра в таком городе, как Цюрих. Да еще и главного театра этого города. Когда мы пришли в Schauspielhaus Zurich, то столкнулись с очень старомодной публикой. В Цюрихе есть люди, которые любят современное искусство, но они не ходили в театр, потому что им было скучно. Постепенно публика театра Schauspielhaus Zurich стала меняться: держатели абонементов стали отказываться от них, пришла молодежь, а также люди, интересующиеся современными течениями в искусстве. Но чиновники, которые занимаются культурной политикой, не очень-то интересовались приходом новой публики. Они скорее забеспокоились: почему столько абонементов возвращено, а театр теряет богатых клиентов?

В самый критический момент наших конфликтов с высшим руководством театра, со спонсорами одна из консервативных швейцарских партий инициировала голосование среди жителей Цюриха: хотят ли они, чтобы театром продолжал руководить Марталер. Они были уверены, что люди откажутся. Но нет — больше пятидесяти процентов голосовавших хотели, чтобы Марталер остался. Но через год наши оппоненты снова стали действовать. И добились своего. Голосование оказалось фарсом.

ИЗВЕСТИЯ: В спектакле «Group-

самодура. Он был истеричен и глуп, увольнял всех и вся. А уволенный вылетал вместе с креслом в стену, расшибая ее. Вы имели в виду своих оппонентов, когда создавали эти карикатуры?

Остендорф: Я играл мэра Цюриха! Это была наша месть. Успех был огромный, зрители падали со смеху, а наш спектакль пригласили на фестиваль Theatertreffen в Берлин.

ИЗВЕСТИЯ: А чиновники, когда пришли на этот спектакль, не упали в обморок еще раз: нас пародируют за наши же деньги?

Остендорф: Им понравилось. Пришли целые отряды чиновников, сидели и смеялись. Они не такие дураки.

ИЗВЕСТИЯ: Но Марталер ведь знал на что идет, когда согласился возглавить Schauspielhaus Zurich. Он ведь сам швейцарец, знает и Цюрих, и его театр. На что он рассчитывал?

Остендорф: Мы работали в этом театре четыре года. И с нами говорили только про деньги. Это так раздражало! В конце концов нам сказали, что мы потратили на полтора миллиона франков больше, чем положено, и поэтому надо кого-то из труппы уволнять. Мы решили уйти все.

Сейчас там новый художественный руководитель — Маттиас Хартманн. Он получает виллу в Цюрихе, которую отремонтировали за счет театра. Это стоило два с половиной миллиона франков. Значит, наши траты не были так трагичны (смеется).

ИЗВЕСТИЯ: Вы не только актер, но и зритель. Вы ходите в театр уже более тридцати лет. На ваш взгляд, какие изменения произошли с немецкой публикой и с немецким театром?

Остендорф: Я думаю, что новые режиссеры — Касторф, Остермайер, Тальхаймер, Кригенбург — делают очень интересные постановки. Когда-то мне так же были интересны Петер Штайн и Клаус Пайманн. Но сейчас они и сами ничего интересного не делают, и постоянно ноют, что театр погибает, что молодые режиссеры ничего не умеют.

Ну, остановились они в своем развитии, ну, обижены, что публика их забывает. В таком положении, мне кажется, лучше молчать, чем все время говорить о падении театра.